

ФИЛОСОФИЯ

УДК : 316.3

С. И. Сулимов

(доктор философских наук, доцент)
Воронежский государственный университет
(г. Воронеж, Российская Федерация)

В. Д. Черных

(кандидат исторических наук, доцент)
Воронежский государственный университет инженерных технологий
(г. Воронеж, Российская Федерация)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ХРИСТИАН И МУСУЛЬМАН ДРУГ О ДРУГЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

***Аннотация.** В данной работе рассматриваются принципы христианства и ислама, определяющие отношение представителей этих религий друг к другу. Христианство, не признавая другие религии, доброжелательно относится к иноверцам, воспринимая их в первую очередь как людей. Ислам же, будучи так же непримирим к чужим верованиям, вполне допускает существование христианства, но настаивает на поражении его представителей в правах.*

***Ключевые слова:** ислам, христианство, зимми, мосарабы, мудехары.*

S. I. Sulimov

(Doctor of Philosophy, Associate Professor)
Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)

V. D. Chernykh

(Candidate of Historical Sciences, Associate Professor)
Voronezh State University of Engineering Technologies
(Voronezh, Russian Federation)

IDEAS OF CHRISTIANS AND MUSLIMS ABOUT EACH OTHER AS A POLITICAL FACTOR

***Annotation.** This work examines the principles of Christianity and Islam, which determine the attitude of representatives of these religions to each other. Christianity, without recognizing other religions, treats Gentiles kindly, perceiving them primarily as people. Islam, being also irreconcilable to other people's beliefs, fully admits the existence of Christianity, but insists on the defeat of its representatives in rights.*

***Keywords:** Islam, Christianity, dhimmi, mosarabs, mudejars.*

Христианское и мусульманское общество соседствуют с тех самых пор, как возник ислам, то есть история данного межкультурного взаимодействия насчитывает почти полтора тысячелетия. Причём, христиане и мусульмане далеко не всегда сводили это взаимодействие к вооружённому противостоянию. В частности, средневековая Европа заново открыла для себя античную философию, во многом, благодаря арабским переводам, равно как и мусульмане Среднего Поволжья на протяжении последнего столетия учатся в школах и вузах русского образца. Тем не менее, соседство христианского и мусульманского обществ в исторической науке предстаёт окрашенным в тона враждебности и нетерпимости, которые в реальности не всегда имели под собой основания. В данной работе мы предпримем попытку выявить доктринальные причины, приводящие христиан и мусульман к мировоззренческому конфликту и не позволяющие им развивать культурный диалог без скрытого противостояния друг другу (даже если это противостояние не выгодно ни одной из сторон). Поскольку христианское общество многообразно и более уместно говорить о «христианских обществах» (например, католиках, православных и т.д.), то мы для краткости не будем углубляться в теологические различия христианских деноминаций, лишь поясняя в каждом историческом примере, о каких именно христианах идёт речь.

Христианство и ислам являются монотеистическими религиями, то есть исповедуют последовательное единобожие и ни в коем случае не допускают, что боги иноверцев реальны и достойны поклонения. С точки зрения христианства, почитание какого-либо другого божества, кроме библейского, является грехом, подлежащим исправлению. Чужая вера не может быть истинной и вообще не должна существовать. Однако будучи человеком, то есть творением Божьим, любой адепт любой религии может стать христианином при условии добровольного решения на это. То есть как с точки зрения апостолов, так и по мнению современных церковных иерархов, все живущие на свете люди – потенциальные христиане, многие из которых ещё не обратились к истинному Богу. Важно, что христианство, будучи непримиримо к другим религиям, не располагает никаким каноническим алгоритмом для принуждения иноверцев к крещению. Святители во все времена убеждали язычников перейти в христианство, но Библия не даёт указаний о том, как привести к Богу людей насильно. Поэтому встречающиеся в истории эпизоды принудительного крещения народов и племён (Русь в X в., Мексика в XVI в.) всегда являлись миссионерской самодеятельностью того или иного политического лидера. Неслучайно результатом таких радикальных решений становилось двоеверие, с которым Церкви приходилось бороться на протяжении столетий. Для нас же важно, что христианство не мирится с существованием других религий, но далеко не всегда применяет против иноверцев какие-либо политические меры: такие меры попросту не разработаны ни в Священном Писании, ни в Священном Предании. Поэтому

христианин может быть вековым соседом иной конфессии, надеясь на обращение её адептов в христианство, но содействуя этому переходу лишь добрыми советами. Отвергая чужие верования, христиане стараются не переносить эту неприязнь на людей, данные верования разделяющих.

Как относится христианство к исламу? С самых первых лет существования ислама у православных богословов возник интерес к религии соседей, тем более что эти соседи повели себя по отношению к христианским государствам крайне агрессивно. Одним из самых авторитетных теологов, довольно рано познакомившихся с исламом, был преподобный Иоанн Дамаскин (в миру – Мансур ибн Серджун ат-Таглиби). В своём сочинении «Источник знания» он составил список ересей, в который включил ислам под номером 100, то есть считал мусульман христианами-еретиками. По мнению святого, пророк Мухаммед был знаком с христианским учением, но вольно или невольно исказил его почти до полной потери смысла. В частности, святой воспринимал одни суры с юмором, а другие – как сознательную подтасовку [5, с. 153]. Века спустя более радикально об исламе высказался греко-русский церковный писатель преподобный Максим Грек, отметивший, что если бы мусульмане действительно были бы близки к христианству, то они давно бы уже стали христианами. Если же этого не произошло, то, значит, ислам – отдельная религия, имеющая с христианством мало общего [10; с. 104]. Однако, как уже было сказано, неприязнь христиан к исламу не означала непримиримости к мусульманам. В частности, святой Иоанн Дамаскин писал свои антиисламские сочинения, занимая ответственный пост при дворе арабского халифа.

В исламе же, наоборот, принципы взаимодействия мусульман с иноверцами (по коранической терминологии – «уверовавших» с «неверными») разработаны очень чётко. Признавая любые религии, кроме ислама, ошибочными, мусульмане, тем не менее, различают их по степени близости к «истинной» вере. Так, политеисты, буддисты, зороастрийцы и т.д. считаются однозначно неправыми, а их верования – подлежащими искоренению. Как отмечает отечественный религиовед Д. И. Дудоров, представители этих религий должны, по мнению мусульман, выбирать между переходом в ислам или смертью [4, с. 88-89]. В то же время Коран настаивает на более мягком отношении к «людям Писания» – христианам и иудеям, которые считаются носителями сакрального, но искаженного знания. Признавая обе религии ошибочными, мусульмане всё-таки допускают легальное существование христианства и иудаизма. Более того, в Коране приводится градация допустимости между двумя этими религиями (сура «Трапеза»): «Ты, конечно, найдёшь, что более всех людей сильны ненавистью к уверовавшим иудеи и многобожники, и ты, конечно, найдёшь, что самые близкие по любви к уверовавшим те, которые говорили: «Мы – христиане!». Это – потому, что среди них есть иереи и монахи и что они не превозносятся» (5:85(82)) [7, с. 114]. Таким образом, из всех иных религий и верований мусульмане наиболее доброжелательно относятся к христианству, но всё-

таким считают его заблуждением. От христиан не требуется переход в ислам, но, не являясь частью общины верующих, они обречены быть в мусульманском обществе людьми второго сорта. Такая намеренная стигматизация христиан разработана в исламском праве до мелочей и вовсе не является случайностью. В частности, христианин, живущий среди мусульман, официально называется «зимми», и вся его жизнь опутана не очень тяжелыми, но досадными ограничениями [6, с. 314]. Характер этих ограничений разнится от эпохи к эпохе, но равенство между мусульманами и зимми не считается в исламе допустимым.

Каким образом мусульмане строили отношения со своими христианскими соседями? История раз за разом демонстрирует один и тот же алгоритм. Сначала мусульмане, вдохновляемые религиозным фанатизмом и ригоризмом, атакуют «неверных» и пытаются навязать им своё политическое господство. По меньшей мере, дважды им это удавалось: в VIII в. на Пиренейском полуострове и в XV в. на Балканах. Однако после военной победы и уничтожения христианской государственности новые властители быстро обнаруживали, что христианское население не всегда враждебно и вполне может оказаться удобным. Тем более, что новоявленные зимми по мусульманским же законам не могут быть полноправными членами общества и за один факт своего существования должны платить. В частности, по правилам шариата с «людей Писания» нужно взимать подушную подать (джизью) и налог на имущество (харадж), от которых избавлены мусульмане. В каждом конкретном историческом случае имели место и оригинальные ограничения для христиан. Например, в Кордовском эмирате легально существовали христианские общины – так называемые, мосарабы, имевшие даже собственные церкви. Однако мосарабам запрещалось ездить на лошадях, стоять дома выше, чем у мусульман, а при встрече на улице христианин должен был уступить тротуар мусульманину. Эти мелочные ограничения не мешали мосарабам заниматься земледелием, ремеслом или коммерцией, и, по свидетельству испанского историка Р. Альтамира-и-Кревеа, соседские отношения между представителями различных конфессий складывались неплохо: по крайней мере, смешанные браки заключались нередко [2, с. 125]. Но всё же социальная стигматизация давала о себе знать: если бы христиан устраивало быть мосарабами, то они бы не обращались за помощью к католическим королям Леона и Арагона и не переселялись бы на их земли целыми деревнями. А ведь таких случаев в ходе Реконкисты произошло немало [8, с. 37]. К аналогичным последствиям приводило господство мусульман над балканскими христианами, которых турки-османы называли «райя» («стадо») и которые жили приблизительно в тех же условиях, что и пиренейские мосарабы. Нельзя сказать, что османские султаны целенаправленно притесняли своих христианских подданных, но сам факт существования в наши дни независимых Сербии и Болгарии свидетельствует о том, что жить в статусе «райи» славянам не нравилось.

Возникает закономерный вопрос: в силу какого фактора христиане в мусульманском обществе считают свою жизнь несносной? Ведь многие пиренейские эмиры и османские султаны отличались подчеркнуто миролюбивым отношением к ним и охотно пользовались услугами христианских администраторов и советников. Вероятно, дело в том подчеркнутом шовинизме, который содержится в исламе. Для мусульманского простонародья иноверцы, пусть даже и «люди Писания», – это всегда ущербные существа, за счёт которых можно самоутвердиться, например, спихивая их с тротуара или отталкивая назад в любой очереди. И чем тяжелее идут дела у государства мусульман, тем больше среди «правоверных» найдётся желающих сорвать злость на зимми. Правитель, даже понимая все выгоды от поддержания межконфессионального мира, не может открыто покровительствовать христианам, иначе он рискует прослыть отступником от веры. То же самое касается и рядового мусульманина, который может быть в прекрасных отношениях с соседом-христианином, но не может защитить его от произвола других мусульман, не получив репутацию «муртада» (предателя). Вспышки агрессии и целенаправленного притеснения случались не очень часто, но всё равно христианин среди мусульман ощущает постоянную, хоть и не всегда явную угрозу.

Любопытно развивалась ситуация при обратном соотношении сил, то есть когда христиане побеждали мусульман и инкорпорировали их общины в свои государства. Первым таким прецедентом можно считать крестовые походы. Историки отмечают страшное ожесточение, с которым стремились на восток участники Первого похода, и фиксируют множество зверств, совершенных ими по отношению к мусульманам. Однако при ближайшем рассмотрении выяснится, что проблема заключалась не в самом христианстве, а в религиозной экзальтации и фанатизме, разжигаемых католическим духовенством и, особенно, самозванными проповедниками. К примеру, британский историк С. Рансимен так характеризует результаты проповеди Петра Пустынника, вдохновителя «крестового похода бедноты»: «Это была эпоха духовных видений, и Петра считали провидцем. Средневековый человек был убеждён, что Второе пришествие уже не за горами. Надо успеть покаяться, пока ещё есть время, и идти делать добро. Церковь учила его, что, прежде чем Христос явится вновь, нужно вернуть Святую землю из рук нехристей. К тому же, невежественный ум не умел провести чёткого различия между просто Иерусалимом и Новым Иерусалимом. Многие слушатели Петра верили, что он обещает вывести их из теперешней нищеты в землю, сочащуюся молоком и мёдом, о которой говорилось в писаниях. Путь будет трудным, придётся одолеть антихристовы легионы. Но зато целью был золотой город Иерусалим» [12, с. 103-104]. Точно также некоторые католические иерархи безосновательно обвиняли мусульман в политеизме и приписывали им ритуалы, больше напоминающие античное язычество [9, с. 75-76]. Однако вскоре после основания в Леванте своих государств рыцари-крестоносцы обнаружили, что с крестьянами-мусульманами вполне можно сотруд-

ничать. В частности, светские и духовные сеньоры-католики настаивали, чтобы мусульмане платили десятину так же, как христиане, и эта десятина действительно выплачивалась. Некоторые мусульмане пользовались таким доверием крестоносцев, что получали должности в чиновном аппарате Иерусалимского королевства. С. Рансимен остроумно заметил, что единственной помехой установлению гражданского мира в Леванте той эпохи были рыцари-христиане, только что прибывшие из Европы и видящие в каждом мусульманине врага [11, с. 326]. Однако если бы такие подозрения были совсем безосновательными, то государства крестоносцев не погибли бы столь быстро. Западные рыцари могли сколько угодно тешить себя иллюзией межконфессионального мира, но стоило близ их границ появиться более-менее авторитетным султанам, как подданные-мусульмане буквально приветствовали единоверцев. А после своих побед ни Салах ад-Дин, ни Рукн ад-Дин Бейбарс вовсе не собирались оставлять христианам какие-либо права, в лучшем случае лишь позволяя им бежать из Леванта.

Выше мы отметили, что вера не мешает христианину жить среди мусульман и не обязывает его считать всех иноверцев своими личными врагами. К примеру, святой Иоанн Дамаскин не испытывал к исламу ни малейшей симпатии, но, тем не менее, нёс государственную службу в халифате и ни словом, ни делом мусульманам не вредил. Однако позиция мусульман в данном вопросе совершенно иная: политическое учение ислама не допускает главенства иноверцев над мусульманами. Современный иранский исследователь М. Санаи отмечает, что мировое политическое пространство делится мусульманами на «землю ислама» (дар аль-ислам), «землю мира» (дар аль-сульх) и «землю войны» (дар аль-харб), между которыми возможны промежуточные варианты, но ни один из указанных статусов не предполагает подчинения мусульман иноверцам [13, с. 80]. Так, в «земле ислама» мусульмане правят мусульманами, в «земле мира» мусульмане правят иноверцами, но нет такой «земли», где правитель-иноверец отдавал бы приказы мусульманам. Однако история знает яркие прецеденты политического господства иноверцев в традиционно исламских землях. Такая политическая ситуация и называется «земля войны». Мусульманский теолог уклончиво сообщает, что – это любая страна, где мусульмане подвергаются притеснениям, и что в такой ситуации они должны отстаивать свою веру с оружием в руках или же покинуть эту страну. Но что считать притеснением ислама? С точки зрения христиан, таким притеснением могли бы быть лишь полный запрет данной религии и принуждение мусульман перейти в иную веру. Но, как мы заметили выше, с точки зрения мусульман даже представители самой родственной им религии – христианства – являются людьми второго сорта и должны зримым образом подтверждать свой ущербный статус. Если же этого не происходит, то, значит, правила шариата не соблюдаются и принципы ислама притесняются. То есть любая страна, где иноверец в повседневной жизни не признаёт

доминирования мусульман (например, не уступает им тротуар или место в очереди), автоматически превращается в «землю войны». Разумеется, мусульманские общины далеко не всегда располагали достаточными для сопротивления силами, но всегда превращались в антигосударственное подполье, десятилетиями ждущее подходящего момента для мести за «притеснения».

Подобное утверждение требует убедительных примеров. В позднее Средневековье, когда религия не была отделена от политики и права, возникли, по меньшей мере, два государства, в которых христиане правили мусульманами, как и своими единоверцами, – Испания и Россия. В католических королевствах Пиренейского полуострова на постоянной основе существовали автономные мусульманские общины, и короли, сражаясь с эмирами, старались привлечь эти общины на свою сторону. В 1492 г., покончив с последним эмиратом, королева Изабелла Кастильская потребовала от подданных-мусульман (мудехаров) перейти в христианство, продумав множество смягчающих и поощрительных мер для этого. В частности, новокрещенцам (морискам) предоставлялись не только налоговые льготы, но факт крещения не обязывал их сразу же переходить к христианскому образу жизни. Королева и её наследники понимали, что некоторым людям требуются годы для того, чтобы перестроить свой быт на новый лад. Однако «бывшие мусульмане» развернули настоящую подрывную деятельность, координируя набеги алжирских пиратов, поднимая восстания против короны и даже оказывая услуги французской разведке. На протяжении всего XVI в. они были настоящей «пятой колонной», помогавшей любым врагам Испании. Поэтому в 1609 г. король Филипп III Габсбург приказал выслать поголовно всех бывших мусульман из страны, что было сделано к 1611 г. [3, с. 210]. Технически осуществить такую депортацию было непросто, но королевские войска справились с этим делом не в последнюю очередь именно потому, что «тайных мусульман» не приходилось разыскивать: их скандальное, свое нравное поведение обычно было известно всей округе. Для страны мера оказалась противоречивой: в Испании наступил гражданский мир, но потеря огромного количества рабочих рук серьёзно ударила по сельскому хозяйству и даже разорила некоторые области королевства.

Иным путём пошло русское правительство, после завоевания Казанского ханства (1552 г.) получившее власть над десятками тысяч поволжских мусульман. И, следует отметить, эти мусульмане практически сразу отметились антирусскими восстаниями и перепиской с османским султаном. Однако ни Иван Грозный, ни его наследники не пытались крестить поголовно всех татар. Христианство официально было господствующей в Русском царстве религией, и ни один иноверец, как бы верно он ни служил русской короне, не мог владеть крепостными, если не переходил в православие. Именно при помощи этого стимула короне к середине XVIII в. удалось сделать христианами большинство татарских аристократов, которые сначала стали опорой русской власти в Поволжье, а затем растворились в рядах рус-

ского дворянства как равные среди равных. Впрочем, татарское простонародье, сохранившее свою приверженность исламу, пользовалось сначала неформальной, а потом и официальной свободой вероисповедания. Русская корона разрешала кораническое образование, а с начала XIX в. в Казани даже началось типографское издание книг на татарском языке [1, с. 218]. Разумеется, среди поволжских мусульман время от времени появлялись османские агенты и сектанты-фанатики, но никакой народной поддержки они не получали, и царские спецслужбы с ними без труда справлялись. В наши дни Поволжье является такой же неотчуждаемой частью России, как, к примеру, Черноземье, и это – результат разумной, дальновидной политики, которую веками проводило русское правительство по отношению к местным мусульманам.

Подведём итоги исследования. Ислам и христианство являются вековыми соседями и на протяжении всей своей истории взаимодействуют друг с другом. Однако представления о нормах такого взаимодействия и ожидания от него у представителей этих религий различаются. Христианство признаёт равенство всех людей перед Богом и поэтому не испытывает предубеждения против соседей-мусульман, хотя и непримиримо (а чаще – безразлично) к их верованиям. Так, христианское правительство может закрыть мечеть, но оно не станет сажать в тюрьму или поражать в правах её прихожан. Ислам же, при общем благожелательном отношении к христианству, не допускает мысли о равноправии представителей различных конфессий и, настаивая на переходе христиан в ислам, обрекает их на заведомо подчиненное, ущемленное положение в обществе. Если говорить упрощённо, мусульманин хочет доминировать над христианином в повседневной жизни, и чтобы христианин открыто признавал это доминирование. Любой другой общественный порядок воспринимается мусульманами как нарушение их сакральных прав и покушение на основы их веры. Поэтому они из века в век доставляют неприятности правителям-иноверцам, слишком полагающимся на благонадёжность своих подданных. Современным светским правительствам России и Европы следует воспринимать мусульманские общины не как религиозные объединения, а как политические партии, тайно или явно претендующие на лидерство.

Библиографический список:

1. Алишев С. Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. / С. Х. Алишев. – М. : Наука, 1990. – 270 с.
2. Альтамира-и-Кревеа Р. История средневековой Испании / Р. Альтамира-и-Кревеа. – СПб. : Евразия, 2003. – 608 с.
3. Вебер Г. Всеобщая история в 15 т. / Г. Вебер. – Изд. 2-е. – М. : Типография В. В. Ислентьева, 1889. – Т. 11: История католической реакции и религиозных войн. – 845 с.
4. Дудоров Д. И. Основы мусульманского права. Религиозно-правовые учения мусульманского Востока. Краткий энциклопедический словарь-справочник / Д. И. Дудоров. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2005. – 464 с.

5. Иоанн Дамаскин. Источник знания / Дамаскин Иоанн. – М. : Индрик, 2002. – 416 с.
6. Кардави Ю. Дозволенное и запретное в исламе / Ю. Кардави. – М. : Андалус, 2004. – 335 с.
7. Коран / Перевод и коммент. И. Ю. Крачковского. – 2-е изд. – М. : Наука, 1990. – 727 с.
8. Корсунский А. Р. История Испании IX-XIII веков (социально-экономические отношения и политика) / А. Р. Корсунский. – М. : Высшая школа, 1976. – 239 с.
9. Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов / С. И. Лучицкая. – СПб. : Алетея, 2001. – 412 с.
10. Максим Грек, прп. Того же инока Максима Грека Слово обличительно на агарянскую прелесть и умыслившего ея скверного пса Моамефа / Прп. Максим Грек. Сочинения в 2 т. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2014. – Т. 2. – С. 95-116.
11. Рансимен С. Завоевания крестоносцев. Королевство Балдуина и франкский Восток / С. Рансимен. – М. : Центрполиграф, 2020. – 479 с.
12. Рансимен С. Основание Иерусалимского королевства. Главные этапы первого крестового похода / С. Рансимен. – М. : Центрполиграф, 2020. – 287 с.
13. Санаи М. Мусульманское право и политика: история и современность / М. Санаи. – 2-е изд., дополн. – М. : Садра, 2016. – 164 с.

References:

1. Alishev S. X. Istoricheskie sud`by` narodov Srednego Povolzh`ya. XVI – nachalo XIX v. / S. X. Alishev. – М. : Nauka, 1990. – 270 s.
2. Al`tamira-i-Krevea R. Istoriya srednevekovoj Ispanii / R. Al`tamira-i-Krevea. – SPb. : Evraziya, 2003. – 608 s.
3. Veber G. Vseobshhaya istoriya v 15 t. / G. Veber. – Izd. 2-e. – М. : Tipografiya V. V. Islent`eva, 1889. – Т. 11: Istoriya katolicheskoy reakcii i religiozny`x vojn. – 845 s.
4. Dudorov D. I. Osnovy` musul`manskogo prava. Religiozno-pravovy`e ucheniya musul`manskogo Vostoka. Kratkij e`nciklopedicheskij slovar`-spravochnik / D. I. Dudorov. – Voronezh : Izd-vo VGU, 2005. – 464 s.
5. Ioann Damaskin. Istochnik znaniya / Damaskin Ioann. – М. : Indrik, 2002. – 416 s.
6. Kardavi Yu. Dozvolennoe i zapretnoe v islame / Yu. Kardavi. – М. : Andalus, 2004. – 335 s.
7. Koran / Perevod i kommentarii I. Yu. Krachkovskogo. – 2-e izd. – М.: Nauka, 1990. – 727 s.
8. Korsunskij A. R. Istoriya Ispanii IX-XIII vekov (social`no-e`konomicheskie otnosheniya i politika) / A. R. Korsunskij. – М. : Vy`sshaya shkola, 1976. – 239 s.
9. Luchiczskaya S. I. Obraz Drugogo: musul`mane v xronikax krestovy`x poходов / S. I. Luchiczskaya. – SPb. : Aleteya, 2001. – 412 s.
10. Maksim Grek, prp. Togo zhe inoka Maksima Greka Slovo oblichitel`no na agaryanskuyu prelest` i umy`slivshogo ea skvernago psa Moamefa / Prp. Maksim Grek. Sochineniya v 2 t. – М. : Rukopisny`e pamyatniki Drevnej Rusi, 2014. – Т. 2. – С. 95-116.
11. Runciman S. The Kingdom of Jerusalem and the Frankish East. 1100-1187 / S. Runciman. – Cambrage University Press, 1952. – 522 p. (in English)
12. Runciman S. The First Crusade and the Foundations of the Kingdom of Jerusalem / S. Runciman. – Cambrage University Press, 1951. – 377 p. (in English)
13. Sanai M. Musul`manskoe pravo i politika: istoriya i sovremennost` / M. Sanai. – 2-e izd., dopoln. – М. : Sadra, 2016. – 164 s.